

ВЕРА ПЛАТОНОВА

ВОЛЬТАНУТАЯ

ОТ НАШЕГО МИРА
ВАШЕМУ!

Вера Платонова Вольтанутая. От нашего мира - вашему

<https://litres.ru/74378199>

Аннотация

От автора: внимание, читаем на свой страх и риск. Ну такое настроение было... странное.

Настя Вольтова – неунывающая студентка филфака с лёгкой дислексией и порванным ботинком. Она хотела всего лишь починить новогоднюю гирлянду, а стала попаданкой по распределению. Её отправляют в захудалый мирок, жители которого вот уже долгие годы ждут Великую Спасительницу, утопая в мелких разборках и военных стычках. Но вместо мессии этот мир получает... Анастасию. Хочешь не хочешь, а спасать придётся!

Кто здесь сапсан?

Как ходят пингвиники?

Можно ли быть эпидуральной и рудиментарной одновременно?

На эти и многие другие вопросы вам сможет ответить только Настя – самая вольтанутая попаданка на свете.

Внимание, если вы обнаружили в тексте опечатки, знайте: это не опечатки.

Содержание

Визуал	4
Глава 1. Скоровогорки	7
Глава 2. РЦП	13
Глава 3. Слюха	18
Глава 4. Слава, слава Толику	26
Глава 5. Засланец	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Визуал

Добро пожаловать в мою попаданскую мини-историю "Вольтанутая. От нашего мира - к нашему". И это Настя - девчонка, которую очень трудно не полюбить, ведь она искренняя, добрая и весёлая, и пусть немного неуклюжая, зато по технике безопасности - зачёт!

Интересный факт: моя одногруппница Юля не выговаривала звук "р" (и сейчас, впрочем, не выговаривает и живёт прекрасно). Но наша преподавательница на экзамене отчитала её, упрекнув в профнепригодности. Вернее в "ПГОФ-НЕПГИГОДНОСТИ", потому что сама с этим звуком сильно не ладила. Так что... и такое бывает.

Глава 1. Скоровогорки

Дорогие друзья, давайте определимся сразу: я не тупая! Это понятно?

Лёгкая дислексия и небольшая невезучесть – ещё не приговор. Главное, что с инлетеле... интилете... Главное, что с интеллигентом у меня полный порядок. В меру развит, некоторые люди даже хвалят за нестандартное думанье. А ещё память отличная. Ну и вообще, я классная, так девчонки говорят. И некоторые мальчишки.

Так, могу иногда слова перепутать, забыть, слоги местами переставить, споткнуться на длинных.

И да, я учусь на филфаке, сама поступила. Сейчас идут последние практикумы, первые зачёты. А потом новогодние выдохные и экзамены.

– Формы малого фольклора мне сейчас назовёт... Вольтова Анастасия! – глядит на меня колючими глазками Эльвира, преподша по устному народному творчеству, и предвкушает. По лицу вижу – ох как предвкушает!

Я очень медленно, чтобы не подорваться раньше времени на словесных минах, и чуть кося одним глазом в тетрадку, говорю:

– Посло...вицы, загадки, потешки, кол-лыбельные, – Фух! Почти справилась! Ещё немного. От стресса по спине бегут

эти самые, как их там. – Скорово... скоровогорки!

За спиной слышу сдавленные смешки. Но я-то знаю, что они не надо мной смеются, а над ситуацией.

– Какие ещё “с коровы горки”? – едко передразнивает меня Эльвира. – Настя, вы же понимаете, что ваша особенность в нашем случае – профнепригодность? И это не смешно. Дальше – будет хуже! Сложная терминология, огромные художественные тексты – Толстой, Джойс, Драйзер, Голсуорси... Темп, который вы не выдержите. Я из хороших побуждений вам советую: пока много времени не потеряно, идите туда, где ваши особенности не будут создавать препон. В мире много замечательных профессий. Не усложняйте себе жизнь.

– Я аудиокниги слушаю на скорости... Я люблю читать! Я всё успею. Есть медотики для...

– Медотики! Одного "любить", Насть, иногда недостаточно.

– Эльвира Разифовна, – у старосты нашей группы, Веры – тоже особенность: любую несправедливость она считает личным вызовом. – Зачем вы так говорите?

– Как? – колючие глазки оставляют меня и берут на прицел старосту.

– Нечестно. Вы её сейчас гнобите!

– Не путайте, Вера, белое с горячим! – пресекает её та. Что бы это значило?

Но волна уже пошла.

– Это некорректно! – бросает кто-то с задних парт слишком громко.

– Непедагогично! – возмущённо доносится с другой стороны.

– В первой группе учится девочка с особенностями, её даже в пример ставили! А Настю вы клюёте! – добавляет Вера.

– Вы в курсе, что вам всем ещё сдавать экзамен по моему предмету? – будто бы в шутку, говорит Эльвира.

– Давление на студентов! Мы протестуем! – среди воцарившейся тишины раздаётся голос единственного парня нашей группы. По-моему, он за весь силвестр пришёл на учёбу впервые.

– Вы вообще кто? – морщится Эльвира, щурясь. – Ладно, отставить дискуссии. Следующий вопрос.

Занятие заканчивается, и девчонки на выходе поддерживающе хлопают меня по плечу, даже те, с кем я совсем не общаюсь. Ну вот. А говорите, “потерянное поколение”!

Мне нужно забежать в общагу, перекусить, немного сдохнуть и топать на зачёт по ОБЖ.

Из комнаты выхожу уже за пять минут до назначенного времени, зимний ботинок цепляется за шляпку гвоздя, торчащую из порожка. Раздаётся злобный треск. Другой зимней пары у меня нет. И это целая ката... беда! Приходится примотать подошву к носку скотчем. Там не так много оторвалось. И бежать!

Шпарю через дорогу. Левая нога у меня теперь главная,

правая – скользит следом на этой штуке. Радует, что зачёт я точно сдам. Сто процентов. Ведь чтобы его сдать, всего-то нужно купить методичку по технике безопасности в образовательных заведениях, которую написал преподаватель. И показать ему! Блин.

Методичку оставила на обувной полке. Разворачиваюсь.

– Вольтова, не в ту сторону гребёшь! – кричат мне однокурсницы, соседки по общажному этажу. Они-то идут в ту.

Когда я добираюсь до нужной аудитории, попадаю в самый хвост очереди. Все стоят с книжками в руках. Жалко преподав! Это ж какая тяжёлая работа – всему курсу в “зачётку” сделать запись, так и рука отвалиться может!

Проходит часа полтора, показываю свою книгу. Препода портит первую страницу дарственной подписью, потом неторопливо ставит мне “зачтено”.

А на улице уже темно. Но как красиво! Эти штуки на столбах и заборах висят, которые с лампочками. Ёлки, опять же, наряжены во дворах. Скользко только, особенно правой ногой.

– В общагу, Насть? – спрашивает Вера, обгоняя. Она всегда ходит быстро и немного с подскоком. Это называется походкой пингвиника.

– Не, в магаз, – отвечаю.

– А, ну тогда давай, пока!

– Пока! – машу варежкой и сворачиваю во двор, чтобы срезать путь.

Во дворе тоже красиво. На заборчике весело мигают эти самые... как же они называются? Синие и зелёные огни сменяются жёлтыми и красными. В доме, подковой огибающем двор, окна светятся теплом – кому-то сейчас хорошо и уютно. Расправив дублёрку, я сажусь на холодные качели и кайфую, люблюсь огоньками, но недолго.

У одной штуки слева синие и зелёные лампочки перестают работать. Это всё портит! Четыре тушки работают чётко, а пятая – гаснет после красного и жёлтого. Контакты отошли. Но у меня же с собой скотч, надо подмотать. И снова будет хорошо!

Тэкс! Сную варежки в карманы, выуживаю оттуда же скотч. Иду спасать Новый год. Я сапсан!

Забираюсь на сугробчик.

– Делов-то, с мулькин хвост! – бормочу под нос и аккуратно снимаю штуку с заборчика. – Зато детишки порадуются!

Штука цепляется проводом за железную шишечку кованого заборчика. Хочу аккуратно снять, но правый ботинок подводит. Как поедет в сторону! Я, собственно, следом. Одной ногой – следом, а вторая циркулем в снег втыкается. Растяжка-то у меня хоть и неплохая, но не резиновая! На шпатель пока садиться не умею, но чую, через полсекунды научусь.

Замираю, мышца на ноге дрожит на пределе возможностей. Колено предательски подгибается, и я лечу на снег, дёргая на себя провод.

Раздается треск. Мир дёргается, как старый телевизор перед выключением. Пахнет палёной дублёнкой.

“... Надо было отключить от пропитания!” – слишком поздно проносится в голове.

“Гирлянда! Точно, эта штука называется “гирлянда”!

Глава 2. РЦП

Это женская консультация, да? Как меня сюда электрическим разрядом выплеснуло?

Узкие тоскливые коридоры, а вдоль них по обеим сторонам стоят скамьи, на которых ожидают женщины разных возрастов, и, похоже, национальностей. Травмпункт! Вот уж не знала, что они по половому признаку делятся. Опять же для травмпункта все выглядят подозрительно здоровыми. Я себя чувствую бодро, разве что шапку потеряла где-то и волосы дыбом стоят, а по телу как будто до сих пор эти самые бегают.

Двери у кабинетов одинаковые. Щучу глаза, чтобы разглядеть надпись на табличках: написано мелко и неразборчиво. Но раз все сидят, значит, и мне надо.

– Кто наследный? – спрашиваю для порядка.

Но то ли не слышат, то ли не понимают.

– Крайний кто? – повторяю по-другому и громче, может, они неграмотные тут все.

Одна с восточным разрезом глаз и в смешных резиновых тапках показывает мне номерок в руке.

– За вами буду, – говорю я ей и усаживаюсь рядом.

Ёлки! У меня ж тоже номерок в кулаке зажат, бумажный такой. А я и не заметила! Написано “А12”.

То и дело невидимый голос оглашает цифры и номер кабинета. Женщины вокруг меня сменяются, а я всё сижу. И

сизжу... И сизжу. Как в МФУ за подпиской.

– Номер “А12”, пройдите в кабинет “7”.

Заглядываю в нужную дверь, там замусленный мужчина средних лет в сереньком пиджачке сидит в ворохе бумаг и по телефону разговаривает, а сам машет мне рукой, мол, заходи-садись.

–... А кого? Туда никто не хочет. А я что сделаю? Ну и пусть просят, авось загнутся. Против воли не могу, – говорит он загадочно в трубку. – Героические тушки закончились. Бодибилдерши, магички и другие одарённые – все вышли. Так им по квоте дали. А я что? Пара есть невероятных красавиц, но не могу расходовать. Держу на случай, если по бла-ту придут. Так некого же! Понял, ладно. Понял.

Я же пытаюсь прочесть, что написано на табличке, которая на столе стоит, по очертаниям вроде имя. Но шрифт мудрёный, имя тоже трудное, то ли Дукалис, то ли Амариллис.

– Здравствуй, красавица! – одаривает он меня своим вниманием, оставив трубку и широко улыбаясь.

– Здравствуйте, дяденька, – киваю я.

– Аденька, – поправляет он. – Адонис Викторович Семи-собакин. Добро пожаловать, в РЦП!

Это ж когда я так нагрешить успела за свою короткую жизнь, чтобы сразу да в РЦП?!

– Распределительный центр попаданок, – поясняет он.

А, ну теперь всё понятно.

– Понимаешь? – Он смотрит в свои записи и читает. –

Ана-ста-сия.

По моему лицу очевидно, что нет.

– В общем, дела твои таковы. В некое случайно-неслучайное время ты совершила некоторое воздействие на пространство. И эта совокупность факторов привела тебя сюда, в РЦП.

– Я, честное слово, не специально!

– Это, смотря с какой стороны посмотреть, Анастасия. Как понять, что случайность, а что воля, так сказать, судьбы?

– Это смерть?

– Нет, ни в коем случае. Это приключение.

– Я не могу, уважаемый Кадонис! – складываю руки домиком. – У меня на носу депрессия, а в устном творчестве слон не валялся.

– Моя же ты дорогая! Специально для тебя есть маленькое непыльное дельце. Нравишься ты мне, поэтому чего полегче даю. А как справишься, сразу отправлю тебя в мир твоей мечты. С баблти, розовыми пони, прекрасными принцами и... о чём там нынче девушки мечтают? В самый радужный и лучший. Тебе это творчество и не понадобится.

– А назад можно будет? В мой мир?

– А ты откуда? – он опять смотрит в свои бумаги, затем морщится. – Фу. И ты туда хочешь вернуться?

– Мне там нравится.

– Ну и молодёжь нынче пошла! Никак из зоны комфорта вылезать не хотят... – закатывает глаза он. – Но по-другому

никак. Или задание, или небытие. Хочешь в небытие?

– Не очень.

– Ну я так и знал! В общем, потенциал в тебе я вижу огромный.

– Так и есть, – киваю.

– Будущее великое, – продлевает он.

– Ух ты!

– По глазам вижу, спасительница миров.

– Я-то?

– Ты. Сгоняешь в один, там пустяковое дело – победить зло, а я тебя сразу верну. И отправлю куда хочешь, хочешь к принцам, а хочешь – в старую общагу. Туш... Тельце у тебя неплохое, в самом, так сказать, расцвете сил, так что обойдёмся без камуфляжа и примочек. По рукам?

– Ну хорошо. А я точно...

– Ну разве б я стал тебя на гиблое дело подписывать, Анастасия? Кстати, о подписи. Подпиши здесь, – он сунул мне под нос бумагу. – Согласие на назначение. Здесь: согласие на обработку персональных данных. Здесь: отсутствие претензий в случае акхе-кхе-рти...

– Чего? – пытаюсь я прочесть мелкий шрифт.

– Ыхи-кхи-бели, – продолжает он кашлять. – Неважно, простая формальность. Давай шустрее, у меня там желающих на твоё задание – полон коридор. – Вот и умница.

Он внимательно следит за тем, как я ставлю подписи, и удовлетворённо кивает.

– Теперь с этим листком зайди в кабинет “13”, поставь резолюцию на преодоление языкового барьера, и на выход! Жду тебя с победой, дорогая моя!

Он чуть ли не взащей выталкивает меня в коридор.

Добираюсь до двери с нужной цифрой, где получаю от ярко-накрашенной девицы квадратный штамп на своё направление и молчаливое указание к огромной надписи “ВЫХОД”.

– Представляешь, – впереди меня идут и бурно обсуждают свои назначения две старушки. – Я буду теперь молодой аристократкой с юным телом и магическим даром! А ты?

– А я ангел жизни, В новом мире мне обещали мощные крылья и способность летать, а ещё бессмертие! А ты деточка, теперь... кто?

Оборачиваются они ко мне и с любопытством ждут ответа.

– А я... Настя, – растерянно сообщаю я.

Женщины по очереди исчезают в светящемся дверном проёме. Я протягиваю свой лист к этому прямоугольнику, и меня будто засасывает внутрь огромный полиглот...

Глава 3. Слюха

“Вот это снега навалило!” – думаю, полёживая в мягком сугробчике.

А над головой бескрайнее небо... Как у Толстого: бескрайнее небо Штирлица. Только другое. Мне поначалу даже кажется, что это галлюцинации. Перед глазами так и плывут разноцветные всполохи, распускающиеся словно цветы: красные переходят в зелёные, зелёные – в синие, синие – в жёлтые. Да меня же до сих пор торкает! Ого! Красиво! Как эти штуки. Типа северного слияния.

А главное, не холодно, даже тепло. Слышу издалека какой-то бубнёж. Снег скрипит, кто-то топает по нему и бурчит, переговаривается, как будто даже матерится.

Нечто волосато-мохнатое закрывает собой мою прелесть – небо. И, главное, приговаривает что-то обидное, вроде как:

– Слюха, слюха, – тычет оно в меня мохнатой лапой. А рядом такое же наклоняется. И ещё одно.

– Слюха? Слюха! – кивают они друг другу. – Тащить надо опять.

– А чего сразу слюха-то? – мне по-человечески обидно: лежу культурно, в дублёнке. Искусственной, правда, но тёплой, между прочим. Просто я к животным хорошо отношусь, ну и денег у меня тоже нет на натуральную.

– Опять. Тащить надо слюху к Автолику, – говорит пер-

вый йети.

Понимаю, что, в общем-то, не совсем он и йети. Человек в огромной серой шубе с длинным форсом, на руках – рукавицы, на голове – шапка колпаком. Борода длинная, как у скуфа, в косички заплетённая, бусинками разными приукрашенная. И все они такие одинаковые, потому что лиц толком не видно, а одежда однотипная.

– Опять слюху. Тащить да! – говорит второй.

– Кто обзывается, тот сам так и называется! – возмущённо ору я, когда они, ухватив меня под ручки и ножки, тащат в малоизвестном направлении.

– Спокойнее, спокойнее, немного спокойнее, – бурчит первый.

– Немного бы спокойнее, спокойнее, – приговаривает второй.

– Так. Я-не-слю-ха! – повторяю я очень медленно и по слогам. – Я сапсан! Поняли? Сапсан. Кто пальцем меня тронет, того спасти не буду. Уж извините.

– Сапсан, сапсан, – кивают они. – Поняли, поняли.

Тащат они меня мимо леса из фиолетовых ёлок, припорошённых снежком, я даже красотой нового мира насладиться не успеваю. Перед самым моим носом проезжают сугробы и какие-то торчащие из-под него шляпки серебристых грибов.

– Можно помедленнее? Хотелось бы посмотреть всё как следует.

– Автолику скажем слюху. Нашли. Радоваться будет.

Есть у меня подозрение, что, в том кабинетике РПЦ, где мне языковую революцию ставили, что-то не то наклепили. Я их слова вроде как отдельно понимаю, но общего смысла этого бормотания не улавливаю.

– Что такое? – тычет меня в грудь один бородач.

– Это я! – отвечаю. – Человек.

– Это что такое? – не унимается он и трясёт меня за край дублёнки. – Что за зверь?

– А! – разговаривать в позиции, когда тебя куда-то тащат гигантские аборигены, вообще не очень удобно, а этих ещё поди разбери. Одежда его моя интересует!

Он стучит по своей шубе в районе груди и говорит:

– Хитрое мурло. Шкура.

Надеюсь, он сейчас не меня так обозвал... А может, представлялся? Ну и словечки!

– Что? – трясёт опять меня за дублёнку.

– Да это чебурашка обыкновенный.

– Че-бу-раш-ка! – повторяет он медленно. – Шкура.

И остальные тоже начинают меня щупать и приговаривать “чебурашка”, с уважением так.

– Сама. Убила?

– Сама купила! Уважаемый товарищ Шкура-Хитрое Мурло, а можно я ногами пойду? – спрашиваю вежливо.

– Автолику только нести. Ногами ходит. Пачкает снег. Слава, слава Автолику!

– У меня чистые ботинки! – возмущаюсь я. – Ладно, неси-

те к своему Толику. Там разберёмся.

– Немного обидно, немного обидно, – бухтит третий, что несёт меня за ступню.

Вот! Этот меня понимает.

Поскольку несут они меня головой вперёд, чтобы увидеть то, что прямо по курсу, приходится сильно напрягать шею. Перед нами вырастает целое поселение из шатров, обтянутых чем-то белым и пушистым, материал этот я из своей исходной позиции на глаз определить не могу. Неужели эти неотёсанные грубияки живут в таких славных и милых бомбошках?

Таинственный Толик, как и ожидалось, обитает в самой большой мохнатой юрте. Меня, наконец, ставят на ноги и позволяют чуть оглядеться. Я трогаю пальцем пушистость домика – ощущение, будто пощупала бабушкину шаль. Вяжут они, что ли, тут чехлы на дома?

У входа лежит огромная рысь с кисточками на ушах, только серая и уши гораздо шире поставлены, чем у наших отечественных, и грызёт кость размером с половину моей ноги. Думать, чья это кость – не хочется.

– Домашнее мурло, – любезно объясняет мне товарищ Шкура.

Он треплет рысь по загривку и показывает мне, мол, погладь.

– Я бы с радостью, – говорю я, – но у меня на кошек аллегория! – а сама гляжу, как челюсти милого котика с хру-

стом раскусывают кость на две части, а короткий сосискообразный хвостик недовольно колотит по утопанному снегу.

– Грязные сними. Ноги, – командует тот, который Немного Обидно.

Я задираю ботинок и смотрю на его подошву.

– Да пойдёт! – машу рукой.

– Ноги сними! Грязные.

Шкура раскрывает передо мной входной положек и подталкивает в спину.

Пока разуваюсь, Немного Обидно шлёпает на пол два тапка в виде лап с коготками на концах коротких пальчиков.

– Чистые ноги, чистые ноги, – приговаривает он.

– Я никогда не повторяю, не повторяю! – передразниваю его, обувая тапки.

Внутри светло: вязанный чехол отлично пропускает свет. Несколько бородачей стоят здесь, но без шуб. А в рубашках с коротким рукавом и объёмных штанах. У каждого на поясе висит по палке с острым кончиком из красного металла. Копья? Один своим копьём в зубах ковыряется.

– Слюху идём! – объявляет Шкура. – Автолика радость. Долгоборода продолжение. Слава, Слава Автолику!

– Слюха, слуха! – приходят они в волнение и радостно хлопают в ладоши, – как дети малые, ей-богу.

Мои провожатые скидывают свои шубы и шапки в одну кучу чуть поодаль от входа, а мою дублёнку забирают, и Немного Обидно торжественно несёт её на вытянутых руках.

Идём дальше. Внутри шатра обнаруживаются хитро расставленные полупрозрачные перегородки. Они разделяют жилище на комнаты, образуя коридоры. Очередной полог распаивается. И передо мной открывается совершенно круглая комната, посреди которой стоит подобие трона, по форме напоминающего больше допотопный советский стул. Рядом со стулом высится огромный бородач, в такой же безрукавке, что здесь носят другие. Только борода у него в отличие от них выкрашена золотой краской. Он напрягает шницепс на руке и восхищённо на него глядит. Затем расслабляет. А потом снова напрягает! И от этого действия впадает в такой восторг, что даже сразу не замечает толпы, возникшей на пороге.

– Чего надо, чего надо? – раздражённо спрашивает, не глядя на нас.

Шкура откашливается.

– Слава, слава Автолику! – восклицает он. – Мы пришли слюху!

На этом Автотоллик отвлекается от своего увлекательного занятия и счастливо хлопает в ладоши. Подходит ко мне, радостный, – улыбка до ушей.

– Вот, – важно тычет пальцем в меня Шкура. – Сапсан-слуха, убийца че-бу-раш-ки!

Тут же Немного Обидно с важным видом подносит вожакую мою дублёрку, и тот с восторгом её ощупывает.

– Че-бу-раш-ки! – произносит он с придыханием.

– Немного обидно, немного обидно, – выговариваю я своим вожатым.

– Чья слуха. Скажет Автолик, вожак долгобородов? – с надеждой спрашивает тот, что ковырялся в зубах.

– Кому надо? А? – интересуется Автолик. И мне так радостно: и здесь царят демократические принципы!

– Мне! Мне! Мне! – начинают со всех сторон тянуть руки бородатые мужики, будто второклашки первого сентября, при этом народу становится всё больше и больше – летят, как мухи на варенье.

– Ага, – рывкает вожак. – Автолик решил.

Тишина.

– Слуха будет Автолика, – выносит вердикт он и, довольный, усаживается на стул.

– Немного обидно, немного обидно, – прокатывается по народу.

– У Автолика слуха есть, у Поргена – ни одной, – обиженно выкрикивает один.

– Немного спокойнее! Старую бери на, – щедро разрешает ему Автолик.

– Слуха одна – жизнь одна! – упрямится долгобо... долбого... как они там себя называют?

Автолик сводит брови к переносице: ещё немного и мы услышим скрип уключин.

– Всё не знаю! Убийца че-бу-раш-ки – мне! – капризно заявляет он, и хватает меня за руку, таща к себе.

– Спокойно! – говорю я. – Выдох есть!

Они смотрят на меня так ошеломлённо, будто у них домашнее мурло заговорило вдруг.

– Итак. Я не слюха. А раз я не слюха, то и делить меня нельзя! Логично?

– Ага, ага, – говорят удивлённые долбо... долго... как их там.

Затем Толик завязывает мне рот моим же шарфиком и провозглашает:

– Драка до усьячки!

– Во-о-о-о! – поддерживает его народ одобрительно.

Глава 4. Слава, слава Толику

Долгобо... долбого... Короче, эти самые люди быстро организуют арену для всех желающих и начинают усердно мутузиться по двое, пока один из драчующихся не падает в блэкаут. Тогда его место занимает другой.

Ситуация напряжённая: горка бородачей уже лежит в отключке, часть из них пошатываясь, возвращается к зрителям. Я даже не знаю, за кого, честно сказать, болеть в такой ситуации, потому что мне они все одинаково не нравятся.

– Напиток на, – ко мне подходит... женщина! Невысокая, симпатичная, с длинными тёмными косами, перекинутыми на грудь. Она протягивает грубо вытесанный из бежевого пористого камня стакан.

– Мыф-пыф, – показываю я ей, что трудно употреблять напитки с завязанным на шарфик ртом.

– Руки тебе не. Связали же, – бурчит она, стягивая с меня фаршик.

А действительно! И что это я мучилась?

– Это что такое? Морсик? – я беру в руки стакан, который на самом деле оказывается почти невесомым, в нём плещется красноватая жидкость. Сколько я уже слоняюсь абы где, а с утра маковой росинки во рту не ыбло.

– Вкусно, вкусно, пей, – говорит женщина.

И пока я пью это сладковатое нечто, добавляет:

– Шиикака-гриб, слухам полезно.

– Какой гриб, простите? – у меня от неожиданности на-питок лезет наружу.

– Шиикака. Слюха пьёт – рожает, – счастливо улыбается она мне.

– Так сразу? Я не готова, – ставлю стаканчик на пол и решаю завести полезное знакомство. – Меня зовут Настя. Я тут в командировке, сапсаю вас от неизвестно чего.

– Надо, надо, – кивает мне брюнетка. – Кири, слуха Автолика. Я.

Стучит указательным пальцем мне по макушке и кивает в

сторону Толика, который в этот момент яростно лупит своего соперника головой об пол.

– О-о, – тяну медленно.

Учитывая, что дерётся он за право забрать меня, а свою слюху передать другому, с напитком я поспешила. Мало ли чего она туда подмешала.

– Пей, пей ты, – певуче говорит Кири. – Гриб хороший.

– А Автолик?

– Ы! – восторженно восклицает Кири. – Хороший! Добрый! Красивый! Долгобороды не злые. Дратся любят, убивать. Хорошие, добрые.

“Пока всё логично!” – думаю я.

– А ты откуда? – интересуюсь, делая вид, что попиваю эту шакшуку. Искусство лёгкого разговора, и всё такое.

– Другой мир. Давно уже. Тут дырка рядом, – она показывает куда-то рукой, но мне-то в любом случае неизвестно куда. – А конец света там, – машет в другую сторону и грустно вздыхает. – Надо просить спасти конец света. А эти слюх

ходят просить к дырке. Немного обидно...

– Немного обидно, – подтверждаю я.

Нашли ведь кого к межмировому portalу приставить!

– А что там за конец света? – визнаю аккуратно, надо же понимать, с чем дело предстоит иметь.

– Там да! – машет она рукой опять в ту же сторону.

– А точнее?

Но Кири не успевает ничего ответить, потому что борода-
чи взрываются:

– Слава, слава Автолику!

Ой-ёй! Толик с расквашенной в капусту мордой уже на-
прягает свою руку, сгибая в локте и показывая всем свой
шницель. Потом идёт к нам... Но, к счастью, не меня хвата-
ет, а Кири – за руку и ведёт к тому бородачу, который боль-
ше всех возмущался.

– На. Порген хорошо дрался, – передаёт он Кири соб-
ственноручно ему. Женщина не проявляет ни капли недо-

вольства, Порген, у которого ухо распухло до космических масштабов, а два передних зуба впали в рот, хлопает в ладоши и почти плачет от счастья.

– У Автолика слухи нет. Больше, – грустно провозглашает хитрый вождь. – Надо брать убийцу че-бу-раш-ки! У-дю-дю! – треплет он меня указательным пальцем по носу, закидывает на плечо и тащит из тронного зала под дружную смесь из “немного обидно” и “слава, слава Автолику”.

– Я протестую! Я сапсан! – возмущённо кричу я. – У меня миссия! Да что там! У меня сессия!

– Ага, ага, – приговаривает Толик. – Сиди.

Мы добираемся до комнаты, пол которой устлан звериными шкурами, интересно, что помимо белых и бело-серых, тут полно мехов всех оттенков фиолетового: от светло-сиреневого – до тёмного, почти антрацитового.

Толик бережно усаживает меня в самый центр, сам открывает полог с другой стороны и начинает с фырканием и улюлюканьем умывать лицо снегом, причём делает это так увлечённо, что мне сам боженька велел взять и потихоньку утечь из комнаты, тем более что никаких охранников я там не видела, а дальше – по интуиции.

Утечь получается не совсем, потому что за положком меня ждёт угрожающее ворчание: домашнее мурло, пригнув уши, скалит клыки и глядит на меня, как на отброс борода-того общества.

– Вот, проветриваю! – объясняю я ему, медленно пячусь назад.

Толик завершает свои снежные омовения и возвращается ко мне, с интересом разглядывая.

– Как зовут?

– Сапсан-слуха, убийца чебурашки! – выпаливаю, как на духу.

Знаете, тут уж как в известной песне: с волками жить, по-волчьи выть.

– Это я понял, – смеётся он, ощупывая свой разбитый нос. Под глазом налился лиловый пунш. – Имя твоё как, красавица?

– Анастасия, – а сама вглядываюсь.

Что-то с Толиком не то стало, как будто искра интеллигента в глазах мелькнула.

– А-нэ-сте-зия, – произносит он вдумчиво, по слогам. – Красиво!

– Мне тоже нравится, – отвечаю.

– Голодная?

– Угу.

Он делает несколько ритмичных ударов маленькой деревянной палочкой о серебристое блюдо, и звон бьёт по ушам, разливаясь по всему жилищу, причём, судя по недовольному мурчанию за перегородкой, хвостатому сторожу этот звук тоже не по душе.

Спустя минутку один бородач бесшумно вносит большое блюдо из того же бежевого материала, который меня удивил уже сегодня своей лёгкостью, на блюде горками навале-на разная еда. Следом за ним заходит следующий и ставит большой кувшин и два стакана рядом с нами, прямо на шка-ры. Оба также тихо уходят.

– Ешь, это вкусно, – говорит Толик.

Я очень голодна, но то, что находится на блюде, кажется совсем уж непонятным. Бурые комочки, грязь в бежевой тарелке, что-то похожее на недоросли, а ещё маленькие кирпичи. Может, они так шутят? Я тут в конце концов сапсан, или шутиха им какая? Будут сейчас всем племенем подглядывать, как я эти кирпичи жую, и хихикать.

Поэтому наблюдаю за вожаком.

– Да не отравлю, Анэстезия, ешь, – видит он мой пристальный взгляд.

– Ты первый, – бурчу с недоверием.

– Ладно, – он берёт “кирпич”, кладёт сверху на него “недоросль” и демонстративно откусывает от него. – Хорошо! Сломанный нос немного мешает.

– Ну-ка, – я делаю ровно то же самое. Текстура у “кирпича” мягкая и воздушная, как будто суфле, а вкус слабо выражен, хлебно-ореховый такой. А вот недоросль – на сыр-косичку похожа, тоже с ароматом копчения. – Съедобно.

Он одобрительно кивает, и мы молча жуём. Я пробую по очереди всё. Не то чтобы в восторге от блюд, но, в целом есть

можно.

Толик культурно наливает мне в стакан ту же шакшуку, какой пыталась недавно напоить Кири.

– Спасибо, я лучше снега поем, – отказываюсь скромно.

Мысли думаю такие: раз уж мне не избежать поруганной чести на фиолетовых шкурах, так хоть не рожать бородатого малыша сразу. Вот прямо сейчас не готова.

– Снег за шатром лучше не есть, – потупив взор, сообщает этот новый культурный Автолик.

– Слава, слава Автолику, – топчется кто-то возле входа в комнату. Мурло издаёт ленивое “мау”.

Толик нехотя оставляет еду и топает к гостю.

– Чего надо, чего надо? – спрашивает он недовольно у незваного посетителя.

– Немного обидно, немного обидно Лунгарику, – говорит гость, которого я определяю как уже знакомого мне Шкуру.

– А? – уточняет Толик.

– Убийцу че-бу-раш-ки Лунгарик первый. Нашёл. Первый. Принёс.

– Ты драку до усячки был? – спрашивает снова волшебным образом отупевший Толик.

– Был, был, – кивает Лунгарик-Шкура.

– Иди, – коротко приказывает Толик.

– Немного оби...

– Кири можно Поргену. А Лунгарику?

– Иди! – рявкает Толик.

Лунгарик уходит, не переставая с обидой бормотать себе под нос.

– Феритинитовые скрижали! – вздыхает Толик, усаживаясь на шкуры и возвращаясь к надкушенному “кирпичику”.
– Поесть не дадут, беспокойный народец.

– А можно вопрос, можно вопрос? – спрашиваю я, заразившаяся за полдня аборигенской манерой не повторять-не

повторять.

– Давай, – милостиво кивает он.

– Это вы так по-дурацки разговариваете, когда в компании больше трёх человек только? А вдвоём можете нормально?

– Нет, Анэстезия, здесь другая история.

Тут Толик на моих округлившихся от удивления глазах отклеивает свою золотую бороду от совершенно гладкого подбородка, который долго и с огромным наслаждением чешет.

Глава 5. Засланец

– У вас борода отклеилась! – сообщаю вежливо.

– Да? – удивлённо смотрит он на золотую мочалку в руке.

– А я и не заметил! Шутка!

Треплет он меня снова за кончик носа. – Не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.